

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ, А. П. ПАВЛОВ

НИКОЛАЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ НОСОВ
(1924—1984)*

I

Это было 9 июня 1960 года. Белая ленинградская ночь дошла до половины, когда кончилось заседание сектора феодализма истории СССР Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. Старожилы отделения не помнят другого такого случая. Восемь часов шла прения об актовом источниковедении. Это была не просто дискуссия — это был турнир двух школ исторического исследования. Московскую делегацию возглавлял молодой, блестящий и талантливейший Александр Александрович Зимин, окруженный своими учениками. Главным оратором ленинградской стороны был Николай Евгеньевич Носов. Это был спор, единственно возможный между учеными, в котором правит только истина. Пройдет шесть лет, и на Тагненском симпозиуме по аграрной истории оба выдающихся исследователя-оппонента пожмут друг другу руки и станут друзьями на всю оставшуюся жизнь.

Николай Евгеньевич Носов принадлежал к счастливому поколению — поколению победителей. «Не многие вернулись с поля», но те, кто вернулся, были достойны великой Победы. Молодой артиллерийский офицер прошел, несмотря на тяжелое ранение, от Курской дуги до Вены, дослужился до звания капитана, после войны окончил Ленинградский университет и связал всю свою жизнь с Ленинградским отделением Института истории.

Николай Евгеньевич был боевым офицером, многолетним руководителем одного из ведущих научных учреждений Советского Союза. Но доминантой его жизни была работа исследователя — историка феодальной России.

Его учителями были Б. А. Ромянов и И. И. Смирнов. Семинар Б. А. Романова определил направление научных интересов — изучение социально-политического строя Русского государства XVI в. Этой теме Николай Евгеньевич оставался верен всю жизнь.

К началу 50-х годов сложились концепция Русского централизованного государства, которое рассматривалось как закономерный и прогрессивный этап развития политического строя, идущий на

* Первая часть статьи написана Ю. Г. Алексеевым, вторая — А. П. Павловым.

смену феодальной раздробленности. В трудах Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, К. В. Базилевича, Л. В. Черешнина и других ведущих историков того времени были намечены основные, самые общие черты централизованного государства в России. Но концепция нуждалась в дальнейшем развитии. Необходимо было исследовать конкретные вопросы политической и социальной истории. Одному из таких вопросов и был посвящен дебют молодого ученого — монография «Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в.»¹

Темой своего первого очерка Н. Е. Носов избрал городских приказчиков. Автору удалось впервые в науке исследовать основные черты института городских приказчиков как важного звена местного управления конца XV — первой половины XVI в.

В этом отношении Николай Емисевич продолжил работы М. А. Дьяконова и С. Б. Веселовского, но, опираясь на активный материал, пошел дальше их. В спорах о городском приказчике ближе всего к истине оказался В. О. Ключевский. По наблюдениям Н. Е. Носова, городские приказчики были прежде всего военно-административным органом местного управления, «распространившим с течением времени свою компетенцию на все важнейшие отрасли

¹ Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М., Л., 1957.

местного управления».² Усиление роли городских приказчиков связано «как с перестройкой старых форм дворцового, вотчинного управления, так и с начавшимся еще с конца XV в. <...> процессом постепенной ликвидации наместничьего управления и системы кормлений».³

В соответствии с общими методологическими установками того времени советским историкам 30—50-х годов централизованное государство представлялось не иначе как в неразрывной связи с самодержавием (под которым понималась власть монарха, не ограниченная какими-либо институтами) и с классовыми интересами дворян-помещиков — «основной опорой великокняжеской власти». Согласно схеме, идущей еще от С. Ф. Платонова, дворяне противопоставлялись боярам-аристократам, носителям реакции. Первые отождествлялись с помещиками, вторые — с вотчинниками. Этим представлениям в целом соответствует и предложенная Н. Е. Носовым концепция развития местного управления: «институт городских приказчиков был первым собственно дворянским органом местного управления, обеспечивавшим <...> в первую очередь классовые интересы и потребности местных помещиков».⁴

Если институт городских приказчиков в своих основных чертах в конце XV—начале XVI в. и может рассматриваться как «первый <...> этап в строительстве аппарата местного управления Русского централизованного государства», то губная реформа 30—40-х годов XVI в. «открывает второй этап в процессе централизации местного управления <...>, который может быть охарактеризован как переход от нижней формы централизации, в основе которой лежала вотчинно-приказная система, к централизации, построенной на местном социальном представительстве и <...> представляющей более высокую ступень государственного единства».⁵

Наиболее содержательная часть исследования — конкретный, обстоятельный анализ всех семи дошедших до нас губных грамот и записи Псковской летописи о губной реформе. Именно этот анализ, проделанный впервые в литературе, дает автору возможность сделать общий важный вывод: «<...> уже в середине 40-х годов институт губных старост превращается наряду с городскими приказчиками в ведущий орган местного управления с ярко выраженной антинаместничьей направленностью».⁶

Итак, городской приказчик и губной староста, ключевые фигуры местного управления первой половины XVI в., — представители дворянства, того общественного слоя, который, согласно концепции, принятой в советской науке 30—50-х годов, был главной опорой политики централизации и противостоял крупной феодальной аристократии, боярству, — носителю консервативных и даже реакционных тенденций.

Оставаясь в рамках господствовавшей в то время доктрины, первая монография Н. Е. Носова не только подтверждает, поддер-

² Там же. С. 196.

³ Там же. С. 197.

⁴ Там же. С. 59.

⁵ Там же. С. 235.

⁶ Там же. С. 286.

живает и развивает основные положения доктрины централизованного государства. Своей постановкой вопроса о двух этапах процесса централизации, о двух ее формах — нижней и верхней, «построенной на местном сословном представительстве», Николай Евгеньевич Носов делает шаг вперед — к изучению проблемы сословно-представительной монархии в России (чему впоследствии и посвятит вторую свою монографию).

В перспективе времени, спустя сорок лет после выхода в свет первой монографии молодого ученого, видны как сильные, так и слабые ее стороны. Н. Е. Носов впервые создает целостную концепцию развития местного управления за длительный период времени — от образования централизованного государства в последней четверти XV в. до земской реформы 50-х годов XVI в. Он определяет значение института городских приказчиков как органа управления, непосредственно подчиненного центральной государственной власти. Он показал социальное лицо губных старост — этого нового органа власти на местах, возникшего в ходе дальнейших реформ аппарата управления. Впервые детально проследив ход проведения губной реформы, он смог установить роль дворцового ведомства в ее осуществлении — именно оно «имело наиболее развитый и <...> наиболее централизованный приказной аппарат, особо близко связанный с великокняжеской властью».⁷ Ему удалось показать, что губная реформа — органическое продолжение политики Василия III, и сделать ряд других ценных наблюдений, сохранивших свое значение по сей день. Все это позволяет считать монографию Носова одним из крупнейших достижений русской исторической науки 50-х годов.

Но время вывело и недостатки концепции Н. Е. Носова. Первый из них — однозначное противопоставление дворянства боярству, проходящее красной нитью через всю монографию. Минут немного лет, и сам автор, опираясь на труды С. Б. Веселовского и свои собственные наблюдения, откажется от такого противопоставления и переосмыслит его. Но это будет уже новая страница в советской историографии русского феодализма, страница, в написании которой Николай Евгеньевич примет самое деятельное и результативное участие.

Если отмеченный недостаток книги имеет корни в советской историографической традиции, то происхождение другого напрямую связано с идеологическими стереотипами, густо пропитавшими, увы, всю нашу историческую науку советского времени. Важнейший из них — примат классовой борьбы над всеми другими общественными явлениями. Значение классовой борьбы, этого действительно важного социального фактора, при всех обстоятельствах непомерно увеличивалось. Бесправное, колебимое господство этого стереотипа — продукт отрубленного и упрощенного понимания материалистической диалектики истории — заставляло даже лучших, самых добросовестных и объективных ученых сознательно (а чаще подозрительно) искать классовую борьбу в каких угодно проявлениях общественной жизни и приписывать ей всеобъемлющую, монополи-

⁷ Там же. С. 325.

ную роль в историческом процессе. Не избежал и не мог избежать этого и молодой ученый. Вслед за своими старшими коллегами и современниками он исходил из тезиса, что в 30—40-х годах XVI в. имело место «резкое обострение классовой борьбы в стране, вынужденное стремлением господствующего класса к усилению эксплуатации крестьянства и его дальнейшему закрепощению» — именно это «обострение» и привело к появлению губных старост — «аппарата насилия» «в руках дворян-крепостников».⁸

Однако нужно отметить, что хотя Н. Е. Носов, как и было принято в то время в науке, считал, что «рост разбоев непосредственно связан с борьбой крепостного крестьянства против феодальной эксплуатации», все же, в отличие от некоторых исследователей того времени, считал нужным оговориться: «<...> это, конечно, не означает, что среди разбойников и иных „двух шодей“ не было различных деклассированных элементов или даже выходцев из самого господствующего класса. Количество подобных уголовных элементов было <...> весьма значительное».¹⁰

Как видно, оба недостатка принадлежат не книге как таковой, а тому периоду развития нашей науки, в который она была написана. Неся на себе черты своего времени, первая монография Н. Е. Носова остается выдающимся достижением русской исторической мысли советского периода.

II

История сословий и сословно-представительной монархии в трудах Н. Е. Носова

Николай Евгеньевич Носов был, несомненно, одной из наиболее значительных, ярких творческих фигур в исторической науке последних десятилетий. Он обладал широким исследовательским кругозором и удивительной, редкой творческой интуицией. Проклдивший суровую школу жизни (он принадлежал к поколению, внесшему на своих плечах основную тяжесть пошлы с фашизмом), блестящую подготовку у своих учителей (Б. А. Романова и И. И. Смирнова), имевший богатый опыт научно-организационной работы (долгие годы руководил ЛОИИ), Николай Евгеньевич был очень мудрым человеком, прекрасно и тонко чувствовавшим исторический материал. И мне посчастливилось быть его учеником. В Николае Евгеньевиче я встретил не только внимательного, чуткого и строгого руководителя диссертационного исследования, но и очень открытого, заинтересованного собеседника, всегда охотно готового обсудить самые различные проблемы истории, поделиться своими обширными знаниями и идеями. И что, пожалуй, более всего поражало и восхищало в нем — это полное отсутствие у него какого-либо догматизма и

⁸ Там же, С. 326.

⁹ Там же, С. 209.

¹⁰ Там же. Приложение 5.

формализма. Он был человеком свободным, демократического (в лучшем смысле) образа мысли.

Н. Е. Носов являл собой образец внимательного, бережного отношения к трудим предшественников. Особенно резко и решительно он выступал против недооценки того вклада в науку, который был сделан исследователями-немарксистами. Носов был совершенно чужд одностороннего, прямолинейного понимания исторического процесса. Весьма осторожно и критически он относился как к абстрактным социологическим построениям, так и к абстрактному «теоретическому» источниковедению, оторванному от конкретных исторических исследований. Он был убежден в том, что история как живая, сложный процесс не поддается описанию жесткими математическими формулами. Историки, говорил он, всегда обречены находить неправоты и отклонения даже там, где прежде все казалось ясным и неизбежным. Носову, пожалуй, как никакому другому историку было свойственно стремление показать всю сложность и многогранность исторического процесса, который, по его мнению, невозможно свести к какой-то одной «генеральной линии». Ему было непонятно, например, почему «московский» путь развития был более правильным и прогрессивным, чем путь развития Русского Севера или Северо-Западного региона. Конечная победа «московского» пути (централизация через успешные прикладно-бюрократические начинания и подавление сословной инициативы) еще не означала, по мнению Носова, его прогрессивности и фатальной неизбежности.

Стремление Н. Е. Носова рассматривать исторические явления во всей их сложности и многогранности ярко проявилось в его выступлениях в ходе дискуссии 1960-х гг. о периодизации Первой крестьянской войны в России. Он решительно и смело (по тогдашним временам) высказался против одностороннего определения событий начала XVII в. только под углом зрения крестьянской войны. Впервые в советской историографии им была выдвинута мысль о том, что эти события представляли собой сложный клубок социальных, внутриполитических и межнациональных противоречий и они не могут быть уложены в рамки какого-то одного определения. Лишь в последние годы такой взгляд на Смуту начала XVII в. стал утверждаться в исторической науке.

Большое место в исторических исследованиях Н. Е. Носова занимали проблемы генеалогии, которая, как писал он, «выглядит показывая динамику социального процесса, происходившего в той или иной сфере жизни русского общества». Генеалогические исследования не были для Носова самоцелью, а рассматривались им как важный и надежный метод социальной характеристики не только отдельных лиц, но и определенных общественных групп.

Характерная черта и сила Н. Е. Носова как историка заключались в том, что он стремился учесть в общерусском историческом процессе действие самых различных общественных групп (и не только борьбу боярства и дворянства или борьбу крестьян против феодалов). Это позволяло ему выйти на новые нетрадиционные темы исследования, увидеть тенденции общественно-политического развития, которые ранее оставались незамеченными в исторической литературе.

Центральной темой научного творчества Н. Е. Носова являлась история становления и развития сословно-представительных учреждений, взаимоотношения самодержавия и земства в допетровской России.

История сословно-представительных учреждений лишь с конца 1950-х гг. стала привлекать пристальное внимание исследователей. Традиционно в литературе (начиная с работ В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова) форма правления Русского государства XVI—XVII вв. рассматривалась как самодержавно-абсолютистская, а политическая история этого периода изучалась преимущественно в плане борьбы самодержавия, оправданного на мелкое и среднее дворянство, против реакционного боярства. В рамках этой схемы, по существу, не оставалось места для сословно-представительных учреждений. Положение изменилось после выхода в свет в 1958 г. статьи М. Н. Тихомирова «Сословно-представительные учреждения (земские соборы) России XVI в.». Автор выступил против недооценки в предшествующей литературе роли и значения земских соборов, которые, по его мнению, были представительным органом европейского типа и деятельность которых является важным показателем существования в России сословно-представительной монархии. Данная точка зрения начиная с 60-х годов прочно утвердилась в нашей историографии. Изучение проблемы сословно-представительной монархии было продолжено в трудах Л. В. Черепинина, А. А. Зимина, С. О. Шмидта, И. И. Павленко и других ученых. Работа Н. Е. Носова ниш в этом направлении, но в то же время им был сделан в исследовании данной темы значительный шаг вперед. До него историки главное внимание акцентировали на деятельность земских соборов. Носов показал процесс становления и развития сословно-представительной монархии на более широком социальном и политическом фоне. Он впервые обратился к специальному, монографическому изучению истории становления и эволюции сословно-представительных учреждений на местах, которые справедливо рассматриваются им как фундамент сословно-представительного строя.

Главное внимание в работах Н. Е. Носова уделяется реформам местного управления XVI в. Эта тема стала предметом двух его фундаментальных монографий: «Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в.» (1957) и «Становление сословно-представительных учреждений в России» (1969). Носов убедительно показал, что в результате реформ 30—50-х годов XVI в. произошло оформление органов сословного представительства на местах, и самые различные слои общества (дворяне, черносошные крестьяне и посадские люди) получили в лице губных и земских старост права самоуправления. По справедливому замечанию Николая Евгеньевича, замена власти наместников и волостей местными сословно-представительными учреждениями объяснялась не только (и не столько) чисто функциональными причинами (необходимостью ликвидации отжившей системы кормлений и потребностью увеличения государственных доходов), как считалось прежде, например в работах И. И. Смирнова. Этот переход был обусловлен и объективно подготовлен всем ходом предшествующего развития Русского государства.

В работах Н. Е. Носова приведены убедительные факты, свидетельствующие об исключительном, небывалом подъеме экономики России в первой половине и середине XVI в., о высоком уровне развития торговли и частного предпринимательства. Ему удалось показать процесс значительной социальной дифференциации в среде черносопного крестьянства, процесс накопления капиталов и втягивания волостных «богачей» в торговую и предпринимательскую деятельность с широким использованием наемной рабочей силы. Особенно убедительны приведенные Носовым факты, относящиеся к Северу России, где складывались целые династии крупных купцов и промышленников из крестьян. Проведенные Носовым генеалогические изыскания, основанные на сплошном просмотре всего массива северных актов, привели к важному выводу об устойчивости купеческих капиталов на Севере уже в XVI в. Все это способствовало повышению роли посадской и волостной верхушки в обществе, осознанию ими своих сословных интересов и главным политическим требованием этой верхушки было предоставление посадкам и волостям прав самоуправления. Действительно, как наглядно и убедительно показал Носов, в новых (образованных в результате земской реформы) земских органах самоуправления доминирующую роль играли представители наиболее зажиточных слоев посадских и волостных людей, которые в своей практической деятельности тащили прежде всего интересы своего круга. Введение земского самоуправления, по мысли Носова, означало уступку нарождавшемуся в России «третьему сословию», с возросшим экономическим могуществом которого было вынуждено считаться правительство. В то же время Носов отметил двойственный, полонимчатый характер земской реформы. На последнем ее этапе, в середине 50-х годов, под давлением феодалов правительство своею уступку крестьянам и посадским людям к минимуму. Посадские и волостные миряне обязывались не только платить подати в пользу государства, но и уплачивать «формальный откуп» — своеобразную компенсацию близким кормленщикам. Земство, писал Носов, как бы откупало право на самоуправление у феодального государства, причем откупало его дорогой ценой.

Наряду с развитием земского самоуправления на посаде и черносопных землях, Н. Е. Носов показал и другую важную тенденцию социально-политического развития страны в середине XVI в. — процесс консолидации господствовавшего феодального сословия. Он был одним из первых в нашей историографии, кто поставил под сомнение справедливость традиционной концепции об известном антагонизме между самодержавием и боярством, о решительном противодействии со стороны боярской знати процессу централизации страны. «На самом деле, — отмечает Носов, — позиция боярства была сложнее и далеко не так отлична от позиции дворянства». «Боярство боролось, — писал он, — не вообще против всякой централизации, а за такую централизацию, которая более соответствовала бы его социальным и политическим интересам». Носов решительно выступал против распространенного в литературе 30—40-х годов положения о «реакционности» боярства и «прогрессивности» дворянства. «Это, конечно, не означает, — говорил он, — что боярство было „демократичнее“ дворянства, но объективно, в силу

своего экономического положения как сословия крупных земельных собственников, оно было менее заинтересовано и в массовом захвате черносошных земель, и в государственном закрепощении крестьянства, чем мелкое и среднестатусное дворянство.

Обоснованные возражения Н. Е. Носов высказал и относительно распространенной в историографии точки зрения об антибоярской направленности акта отмены кормлений и замены их органами дворянского и крестьянского самоуправления. Тщательный, классический источниковедческий анализ Боярской книги 1556 г., обстоятельное изучение персонального состава записанных в нее лиц — бывших кормленщиков, привели Носова к выводу о том, что в качестве кормленщиков выступали не только представители боярства, но и выходцы из дворянства. Отсюда следует весьма важное замечание Носова об отсутствии резких социальных границ между боярством и верхушкой дворянства. Более того, изучение состава правящей верхушки (членов государственного двора) привело Носова к выводу о том, что столичное дворянство было значительно ближе по своему социальному составу к боярству, чем к широким слоям провинциальных детей боярских. Эти наблюдения и выводы, по существу, намечали программу дальнейшего изучения истории служилого сословия XVI—XVII вв. не лишь исследования его реальной структуры, а не в плане абстрактного противопоставления «боярства» и «дворянства».

Н. Е. Носовым был прослежен процесс консолидации не только правящей верхушки служилого сословия, но и провинциального дворянства, которое в лице губных старост получило свой сословный орган самоуправления. При этом он показал расширение сферы деятельности губных органов по мере развития этого института.

Консолидация служилого сословия, укрепление дворянского бюрократического аппарата в лице приказов, по мысли Н. Е. Носова, способствовали тому, что замена кормлений органами земского самоуправления не привела к торжеству «третьего сословия», к полному удовлетворению чаяний посадской и полукрепостной верхушки. И тем не менее эпоха реформ середины XVI в. не без оснований рассматривается им как эпоха своеобразного компромисса (пусть и неравного, с большим феодалным элементом) боярства и дворянства с поднимавшимся третьим сословием. В условиях интенсивного экономического подъема и сохранения известного компромисса между сословиями, отмечал Носов, дальнейшее развитие земских, сословно-представительных начал могло стать реальным фактом, и Русское государство могло пойти по тому же пути развития, что и страны Западной Европы, по пути развития сословно-представительной монархии с последующим ограничением власти самодержавия сословиями. Выявление этой тенденции (существовавшей наряду с другой тенденцией — укреплением неограниченной самодержавной власти) является одним из крупнейших достижений научного творчества Н. Е. Носова. Можно спорить о степени развитости сословно-представительных начал, по поводу определения социально-экономических явлений середины XVI в. как «франсбуржуазных» (или «предбуржуазных»), но сама идея Н. Е. Носова о многовариантности, альтернативности путей развития Русского государства представляется весьма плодотворной и перспективной. Кстати, сам Ни-

когда Евгений (в беседах с автором этих строк) говорил, что главное для него — не жесткое «формационное» определение изучаемых явлений, а исследование живого исторического процесса во всем его многообразии.

Причины упадка земских, сословно-представительных начал Н. Е. Носов связывает прежде всего с внешними, политическими факторами, и в первую очередь с опричниной, посредством которой в стране была установлена «диктатура дворян-крепостников» и русское самодержавие смогло еще более возвыситься над обществом. Согласно Носову, опричнина явилась своеобразной реакцией стремившейся к абсолютной власти самодержавия на заметки сословно-представительного строя, отчетливо проявившиеся в середине XVI в. Такой широкий подход открывает новые горизонты в изучении опричнины, позволяет выйти за рамки традиционных взглядов на опричнину как на борьбу централизиаторских и антицентрализиаторских сил (борьбу против боярства, уделов). Последующие исследования подтвердили правомерность и справедливость такого подхода к изучению опричнины. Б. Н. Флоря показал значительный урон, который нанесла опричнина развитию сословия купечества, верхушка которого (гости и члены гостинной и сукошной сотен) в последней четверти XVI в. попала в тесную служебную зависимость от монархии и была оторвана от интересов основной массы посадских людей. Сходные процессы мы наблюдаем и при изучении эволюции дворянства во второй половине XVI в. — привилегированное сословие дворянство полностью отрывается в служебном плане от основной массы уездного дворянства. Д. Н. Ананин, исследовавший политические воззрения Ивана Грозного, изложенные в его писаниях, показал их яркую направленность против любых проявлений сословной самостоятельности и парламентаризма. Все это еще раз убеждает в справедливости идеи Носова о существенной трансформации сословий и сословного строя, произошедшей во второй половине XVI в., — начавшиеся были утвердиться в середине века сословия постепенно превращаются в служебные чины московского государства. Конец XVI — начало XVII в. справедливо рассматриваются Носовым как время упадка сословно-представительного строя. Вопреки распространенному в литературе мнению, ученый не считал факт развития в первой половине XVII в. земских соборов показателем расцвета сословно-представительного строя (этот взгляд был высказан им в ходе дискуссии в земских соборах, проходившей в ЛОНИ в 1967 г.). Земские соборы он справедливо рассматривал лишь как верхушку здания сословно-представительной монархии, которое без прочих корней на местах с неизбежностью должно было прийти в упадок.

Работы Н. Е. Носова убедительно раскрывают особенности процесса становления и развития сословно-представительной монархии в России. В отличие от стран Западной Европы, где происходило поступательное развитие сословных прав и сословного представительства, в России нарождавшийся в первой половине и середине XVI в. сословный строй был подавлен феодальным государством. «После Ипацовой опричнины, — писал Носов, — вопрос о путях политического развития Русского государства был окончательно предопределен в пользу абсолютизма». В то же время Н. Е. Носов, в отли-

чие от Д. Н. Алишвина и других историков, не был склонен преувеличивать роль опричнины в русской истории. «Она не смогла полностью изменить общий ход развития русской государственности, хотя и привела — это бесспорно — к явному застою приказного строя над земским», — писал Н. Е. Носов. И действительно, как показывают исследования А. И. Коланьца, В. А. Александрова и Н. Н. Покровского, традиции самоуправления ярко проявлялись и в XVII в., в условиях господства воеводской системы управления. Живучесть этих традиций едва ли можно понять без учета работ Н. Е. Носова о начальном этапе становления сословно-представительных учреждений. Заслугой Н. Е. Носова является то, что ему удалось, наряду с привычным образом самодержавной и боярской Руси, показать и другую Русь — торговую, промышленную, земскую, существование которой явилось бесспорным фактом нашей истории.

Проблема взаимоотношения централизации и сословного представительства, органов местного самоуправления и приказно-бюрократического аппарата самодержавного государства требует дальнейшего изучения. В последние годы жизни Н. Е. Носов еще раз обратился к этой теме и планировал написать монографию о земском самоуправлении на Русском Севере в XVI в. Безвременная кончина Николая Евгеньевича оборвала печатью им большую работу. И тем не менее ему удалось сделать в науке чрезвычайно много. Труды Н. Е. Носова заложили прочный фундамент в изучении одной из важнейших проблем русской истории — «самодержавие и земство», наметили новые, нетрадиционные пути ее решения. Им суждена долгая и плодотворная жизнь в историографии. Долго сохранится в наших сердцах и память о Николае Евгеньевиче Носове, выдающемся ученом и замечательном человеке.